

DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

Научная статья

Двоязычие или моноязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве)

Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева

Московский государственный областной университет
Российская Федерация, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А

В статье рассматриваются вопросы, связанные с понятиями билингвизма и диглоссии в литературном творчестве. Основным объектом исследования является оппозиция: стандартный язык/территориальный диалект, а ведущим критерием разграничения названных понятий — наличие/отсутствие кодифицированной литературной нормы. Также рассматривается степень генетической близости коррелирующих идиомов и языковая политика, проводимая по отношению к ним.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, авторский, литературный, норма, кодификация, язык, диалект

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14.11.2019

Дата принятия к печати: 29.02.2020

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Двоязычие или моноязычие? (О некоторых аспектах билингвизма и диглоссии в литературном творчестве) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 2. С. 196—203. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

© Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Bilingualism or Monolingualism? (Some Aspects of the Bilingualism and Dyglossia in Literary Creativity)

Georgy T. Khukhuni, Irina I. Valuitseva

Moscow State Region University
10A, Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation

The paper deals with some issues connected with the notions of bilingualism and diglossia in literary creativity. The main object of the investigation is the opposition: standard language / territorial dialect, and the leading criterion of the delimitation between the said phenomena — the existence / absence of the specific codified norm. Some other factors such as the genetic affinity of the idioms and the language policy towards them are also considered.

Key words: bilingualism, diglossia, author's, literary, norm, codification, language, dialect

Article history:

Received: 14.11.2019

Accepted: 29.02.2020

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Khukhuni, G.T., and I.I. Valuitseva. 2020. "Bilingualism or Monolingualism? (Some Aspects of the Bilingualism and Dyglossia in Literary Creativity)". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 17 (2), 196–203. DOI 10.22363/2618-897X-2020-17-2-196-203

1. Введение

Введенное в конце 50-х годов XX века Ч. Фергюссоном понятие диглоссии [1] получило широкое распространение в науке, прежде всего — как оппозиционное понятию билингвизма. Хотя моносемия считается основным требованием, предъявляемым к научному термину (во всяком случае, в пределах одной терминосистемы), применительно к диглоссии оно не всегда соблюдается. Не останавливаясь на подробном рассмотрении данной проблемы (некоторые наши соображения по этому вопросу были высказаны в [2; 3]), ограничимся только одним примером: оппозиция русского и французского языков в отечественной культуре XVIII—XIX веков одними авторами трактуется как проявление диглоссии [4. С. 136], тогда как другие отрицают правомерность подобной трактовки [5. С. 109–110].

Отчасти подобную неоднозначность можно объяснить тем, что при характеристике диглоссии принимаются во внимание разные признаки: генетическая

близость взаимодействующих идиомов, их функциональное распределение по различным сферам речевого общения, престижность каждого из них, разная оценка по шкале «высокий—низкий» и т.п., которые не всегда удается четко развести, что отчасти признавал и сам Ч. Фергюссон. В большинстве случаев проблема разграничения билингвизма и диглоссии рассматривается применительно к использованию самих явлений в соответствующих языковых коллективах. В предлагаемой статье анализируется аспект, связанный с индивидуальным писательским творчеством.

2. Обсуждение

Прежде всего отметим, что из представленных в специальной литературе проявлений диглоссии в данном случае наиболее актуальным и наиболее распространенным ее видом приходится считать оппозицию: стандартный язык/диалект, которую, Ч. Фергюссон не склонен был в нее включать, ссылаясь на то, что «при диглоссии никакая часть речевой общности не использует регулярно вариант Н (т.е. *high* «высокий» — Г.Х., И.В.) как средство обычного общения» [1. С. 56]. Поскольку нас интересует не *обычное общение*, а *литературное творчество*, постольку критерием здесь может служить иной фактор — область применения соответствующего идиома тем или иным автором. Иными словами, используется ли он исключительно в произведениях, касающихся данной территории и данной этнической группы (т.е. имеет место в произведениях, тематика которых окрашена локальным колоритом), а также в юмористических и пародийных целях, или же его применение не имеет подобных ограничений. Так, украинский элемент весьма обильно представлен в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», где понадобился даже особый словарь соответствующих лексических единиц, приложенный к произведению; есть он и в «Тарасе Бульбе»; но, скажем, в «Петербургских повестях» он полностью отсутствует. Таким образом, в данном случае можно говорить о проявлении диглоссийности, тогда как современник Н.В. Гоголя Тарас Шевченко, написавший по-украински не только, например, «Катерину», но и переложение библейских псалмов Давида, должен рассматриваться как билингвальный автор.

Второй момент, который приходится учитывать — степень близости сосуществующих идиомов. Данный признак не всегда считается необходимым для диглоссии, но применительно к литературному творчеству, думается, он является обязательным. Независимо от того, как расценивали относительную престижность бенгальского по отношению к английскому в Индии начала XX века, тексты, созданные, например, Рабиндранатом Тагором на этих языках, однозначно представляют собой авторский билингвизм, а не диглоссию.

Третий момент связан с тем, что, как неоднократно отмечалось многими исследователями, «в отличие от билингвизма, когда социолингвистическими переменными являются сами языковые коды... в условиях диглоссии, когда грани между разновидностями одного и того же кода оказываются “размытыми”, в качестве социолингвистических переменных часто выступают отдельные элементы языковых систем» [6. С. 130]. А отсюда — поскольку речь идет о художественном

тексте — возникает вопрос: является ли текст диглоссийным, т.е. созданным на отличной от стандартного языковой форме, представляющей собой отдельный идиом, или же перед нами произведение, написанное на литературном языке с некоторым включением — в целях создания местного колорита, речевой характеристики персонажей и т.п. — элементов, находящихся за его пределами? Ими могут быть как территориальные диалекты, так и различные социальные разновидности языка — профессиональная речь, жаргоны, аргы и т.п.

Данная проблема имеет не только теоретическое значение. В частности, она возникает при межязыковой передаче соответствующего текста. Поскольку языком перевода практически всегда является его стандартная разновидность, возникает вопрос о том, каким образом диглоссийность может на нем отразиться и есть ли в этом необходимость. Процитируем в этой связи монографию С. Влахова и С. Флорина: «Если все произведение (включая авторский текст) написано с определенным отклонением от литературной нормы — на диалекте, наречии, аргы — мы его рассматриваем как созданное на определенном языке: переводим, допустим, с “ланкаширского языка”... на русский. Такой подход позволяет пользоваться при переводе средствами обычного литературного языка... лишь расставляя здесь и там “сигналы”, указывающие на своеобразии языка подлинника» [7. С. 322].

Хотя в собственно лингвистическом плане такая позиция представляется вполне обоснованной (основное коммуникативное средство, используемое в оригинале, передается также основным коммуникативным средством языка перевода), в плане социолингвистическом не учитывается отношение и самого автора, и аудитории, для которой текст предназначен, к *выбору* подобного идиома в качестве орудия литературного творчества. Если традиционно таковым обычно признается стандартная форма (остальные рассматриваются как выделяемые на ее фоне стилистические средства), то нарушение этого правила будет рассматриваться либо как стремление к нарочитому эпатажу (в случае с жаргонами или аргы), либо как попытка поднять статус данного идиома до литературного. Так часто обстоит дело с территориальными разновидностями. В качестве примера упомянем термин *Kulturdialekt*, применяемый, в частности, к идиому, распространенному на территории Швейцарии. Его использование, причем не только в бытовой сфере, имеет давнюю традицию (см., в частности [8]). Различие, хорошо понятное первичной аудитории, при реализации принципа «переводить с ланкаширского языка на русский» вряд ли доступно носителю другой лингвокультуры без соответствующих объяснений и комментариев.

Четвертый момент тесно связан с тем, представляют ли собой коррелирующие идиомы самостоятельные языки или разновидности одного языка, т.е. имеем ли мы дело, читая созданные на них тексты, с проявлением билингвального или диглоссийного творчества. По поводу критериев их разграничения существует обширная литература. Среди них называют наличие/отсутствие у каждого идиома собственной кодифицированной письменной нормы, наличие/отсутствие взаимопонимания, этноязыковое сознание членов соответствующих коллективов, пользующихся данными идиомами, и др. Однако выработать такую систему, которая смогла бы непротиворечиво их применять в каждом конкретном исследо-

вании, пока не удалось, что еще раз подтверждает положение: «граница между языком и диалектом является в значительной степени условной и существует только с социолингвистической, а не с чисто лингвистической точки зрения» [9. С. 43]. Хотя, даже руководствуясь только социолингвистическим подходом, провести «демаркационную линию» порой достаточно сложно.

Из перечисленных выше моментов нас интересует именно первый, поскольку если любая коммуникация предусматривает существование некоторого узуса, то в письменной речи необходимость его наличия многократно усиливается.

В данном случае приходится констатировать, что этот сугубо лингвистический/филологический момент имеет значимую не только социолингвистическую, но и социально-политическую сторону. При осуществлении языковой политики может проявляться относительная терпимость к языкам, принадлежащим чужо-му этносу, т.е. в случае, где соотношение двух идиомов заведомо рассматривается как ситуация билингвизма. В тех случаях, когда представители политической власти, а порой и значительная часть «титового народа», считают носителей идиома частью своего этноса, терпимость к нему может быть значительно меньшей, а отношение между идиомами трактуется как диглоссийное. Например, так обстояло дело с положением баскского языка во франкистской Испании. Между тем сами носители этого идиома отстаивают его самостоятельность (билингвальная оппозиция), в том числе и путем закрепления его в литературном творчестве.

Подобная ситуация наблюдалась и в дореволюционной России. Отметим, что языковой нетерпимости по отношению к «не своим» идиомам — во всяком случае, в литературном творчестве — часто не проявлялось. Каких-либо стеснений в публикации книг и периодических изданий, например, на языках народов Закавказья или Прибалтики (речь не идет о цензурных ограничениях, не имевших национальной подоплеки) не существовало, а раздававшиеся иногда утверждения о том, что «разных национальностей в могущественном государстве допустить нельзя», воспринимались как не очень умная крайность, о чем свидетельствуют слова А.К. Толстого: «Посмотрите в лексикон! Что такое национальности? Вы смешиваете государство с национальностями! Нельзя допустить разных государств, но не от вас зависит допустить или не допустить национальностей! Армяне, подвластные России, будут армянами, татары татарами, немцы немцами, поляки поляками!» (Из фонда Президентской библиотеки: «граф Толстой был по-этом мысли воинствующей...». URL. // Режим доступа: <http://seanews.su/component/content/article/31-general/4533----l----r-.html>).

Однако с литературой на наиболее близких русскому идиомах — украинском (по тогдашней терминологии, малороссийском) и белорусском — дело обстояло несколько по-иному, и порой их использование в печати наталкивалось на административные препятствия. При этом к художественным произведениям — в отличие от публицистики — отношение было более спокойным, и произведения Тараса Шевченко, Леси Украинки и др., для которых украинский и русский были разными языками, т.е. отношения между идиомами осознавались как билингвальные, а не диглоссийные, выходили в свет.

С другой стороны, безоговорочное признание права пользоваться соответствующим идиомом в любой сфере могло соединяться с отрицанием его статуса само-

стоятельного языка. Трактую в лингвистическом плане соотношение между идиомами как диглоссию, с социально-политической точки зрения их могли рассматривать как проявление билингвизма. Так, известна позиция А.А. Шахматова. Он ясно и недвусмысленно утверждал: «Каждый представитель русского племени, будь он великорусом, или белорусом, или малорусом, может назвать свой язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения остается русским, каким бы изменениям ни подвергся в течение времени... Исходя из этого положения... мы вправе рассматривать все современные русские языки во всем их разнообразии как одно, в научном отношении, целое» [10. С. 7]. Шахматов писал: «...малорусы, белорусы и великорусы — члены одной общей русской семьи... Самый скептический ум не станет этого отрицать». Это не мешало ученому указывать на ненормальность того положения, когда некоторые облеченные властью «политические деятели находили терпимыми в пределах России всякие инородческие литературы: евреи, татары, армяне, поляки имели право говорить и писать на своих языках, но этого права лишились православные русские» [10].

В качестве смежных с литературным билингвизмом/диглоссией явлений могут рассматриваться тексты, относимые к транслингвальному творчеству, подробно исследованные в трудах У.М. Бахтикиреевой [11; 12], З.Г. Прошиной [13] и др.

Не менее существенен и вопрос о соотношении друг с другом различных вариантов того или иного языка. В частности, заслуживает внимания проблема, связанная с возможностью закрепления особенностей региональных разновидностей языка за пределами его первоначального распространения, т.е. возникновение/создание территориальной нормы и ее реализация в литературном творчестве. Подобное явление теоретически может привести к результату, который применительно к английскому языку британский лингвист Дэвид Кристал охарактеризовал как возможность появления “An English family of languages” [14] (правда, снабдив соответствующий заголовок вопросительным знаком). Напомним, что, касаясь диахронических аспектов изучения диглоссии, Ч. Фергюссон приводил в качестве примера «латынь и новые романские языки в определенный исторический период в некоторых частях Европы. Для обычного разговора использовались местные говоры, но в письменных текстах и в особых ситуациях формальной речи употреблялась латынь» [1. С. 57].

3. Заключение

Когда в этих ситуациях произошел языковой сдвиг, то диглоссия сменилась сначала «латинско-романскими билингвизмами», а затем один из компонентов, составлявших диглоссийную пару, занимавший на шкале высокий/низкий наиболее престижное место, оказался вообще вытесненным как коммуникативное средство, в том числе и из области литературного творчества.

Таким образом, проблематика, связанная с различными аспектами авторского билингвизма/диглоссии, заслуживает дальнейшего рассмотрения и всестороннего анализа.

Список литературы

1. Фергюссон Ч. Диглоссия // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
2. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Вековищева С.Н. Лингвистика и лингвисты: прошлое и настоящее. М.: ИИУ МГЛУ, 2013.
3. Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. О понятии «отдельный / самостоятельный язык» // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 16—22.
4. Виноградов В.А. Диглоссия // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000.
6. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
8. Ключева Т.В. Швейцария, Люксембург, Лихтенштейн: учебное пособие по страноведению на немецком языке. М.: ИВИ — Тезаурус, 1999.
9. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия; Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
10. Шахматов А.А. О государственных задачах русского народа в связи с национальными задачами племен, населяющих Россию. Публикация О.В. Никитина. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/09/01/o_gosudarstvennyh_zadachah_russkogo_naroda_v_svyazi_s_nacional_nymi_zadachami_plemen_naselyayuwih_rossiyu/ (дата обращения: 03.11.2019).
11. Бахтикиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2 (50). 2016. С. 76—80.
12. Бахтикиреева У.М., Валикова О.А., Кинг Ж. Транслингвизм: коммуникативный мост или «культурная бомба»? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 116—121.
13. Прошина З.Г. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 2. С. 155—170.
14. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge University Press, 2010. 212 p.

References

1. Ferguysson, Ch. 2012. “Diglossiya” In Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka. Khrestomatiya. Otv. red. N.B. Vakhtin. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. S. 43—62. Print. (In Russ.)
2. Khukhuni, G.T., I.F. Belyaeva, Valuitseva I.I., and Vekovishcheva S.N. 2013. Lingvistika i lingvisty: proshloe i nastoyashchee. Moskva: IIU MGLU. 168 s. Print. (In Russ.)
3. Belyaeva, I.F., and G.T. Khukhuni. 2014. “O ponyatii «otdel'nyi / samostoyatel'nyi yazyk»”. Vestnik MGOU. Seriya «Lingvistika» 4: 16—22.
4. Vinogradov, V.A. 1990. “Diglossiya” In Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. S. 136. Print. (In Russ.)
5. Mechkovskaya, N.B. 2000. Sotsial'naya lingvistika. Moskva: Aspekt-Press. 2017 s. Print. (In Russ.)
6. Shveitser, A.D. 1983. Sotsial'naya differentsiatsiya angliiskogo yazyka v SShA. Moskva: Nauka. 216 s. Print. (In Russ.)
7. Vlahov, S., and S. Florin. 1986. Neperevodimoe v perevode. Moskva: Vysshaya shkola. 416 s. Print. (In Russ.)
8. Klyueva, T.V. 1999. Shveitsariya, Lyukseburg, Likhtenshtein. Uchebnoe posobie po stranovedeniyu na nemetskom yazyke. Moskva: IVI — Tezaurus. 90 s. Print. (In Russ.)

9. Vakhtin, N.B., and E.V. Golovko. 2004. *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka*. Sankt-Peterburg: ITs «Gumanitarnaya akademiya»; Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 336 s. Print. (In Russ.)
10. Shakhmatov, A.A. O gosudarstvennykh zadachakh russkogo naroda v svyazi s natsional'nymi zadachami plemen, naselyayushchikh Rossiyu. Publikatsiya O.V. Nikitina. Web. URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/1999/09/01/o_gosudarstvennyh_zadachah_russkogo_naroda_v_svyazi_s_nacional_nymi_zadachami_plemen_naselyayuwih_rossiyu/ (data obrashcheniya: 03.11.2019).
11. Bakhtikireeva, U.M. 2016. "O translingvizme i trunkul'turatsii cherez prizmu odnoi yazykovoi biografii". *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* 2 (50): 76–80.
12. Bakhtikireeva, U.M., O.A. Valikova, and King Zh. 2017. "Translingvizm: kommunikativnyi most ili «kul'turnaya bomba?»" *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* 14 (1): 116–121.
13. Proshina, Z.G. 2017. "Translingvizm i ego prikladnoe znachenie". *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'* 14 (2): 155–170.
14. Crystal, D. 2010. *English as a Global Language*. Cambridge University Press. 212 p. Print.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета. E-mail: khukhuni@mail.ru

Валуицева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Bio Notes:

Georgiy T. Khukhuni is a Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and English, Moscow State Regional University. E-mail: khukhuni@mail.ru

Irina I. Valuitseva is a Doctor in Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru